

Об архивном фонде Владимирского наместнического правления за 1787-1789 гг.

Фонд «Владимирское наместническое правление» (Ф. 15) поступил на государственное хранение в 1918 г. Изначально архив наместнического правления хранился в палатке под колокольней Успенского собора, затем в XIX в. был перемещен в здание Присутственных мест и присоединен к архиву губернского правления. Фонд разбирался членами Владимирской ученой архивной комиссии, которые отмечали разобранные дела штемпелями. После принятия фонда на государственное хранение его описанием в 1920-х годах занимались архивариусы Владимирского губернского архивного бюро Крестов, Палецкий и Касаткин.

Владимирская губерния была преобразована в наместничество в 1778 г. Первым Владимирским наместником и генерал-губернатором был граф Роман Илларионович Воронцов. Он управлял сначала Владимирской, Тамбовской и Пензенской губерниями, а потом Владимирской и Костромской. Его сотрудниками в управлении были губернатор и вице-губернатор. Этот избранник Екатерины II, обладая талантами администратора, прославился в то же время своим лихоимством и получил однажды от императрицы пустую табакерку, что было тонким намеком на его корыстолюбие. Воронцов умер в 1783 г, его преемником по управлению наместничеством стал граф Петр Иванович Салтыков.

Наместнический архив начинается с декабря 1778 г. В нем отразилась государственная политика второй половины царствования Екатерины II, а также жизнь Владимирского края с ее культурно-бытовой стороны. Обозреватель встретит ряд дел большой государственной важности: об открытии народных школ, богоугодных заведений, об экспорте и импорте товаров через Балтийское, Черное и Белое моря, о мерах по устранению препятствий для плавания судов по нашим судоходным рекам, о стеклянных и железодельных заводах губернии (Мальцовых и Баташовых), полотняных фабриках и т.п. дела о границах Владимирской губернии при ее преобразовании в наместничество, дела о планах старых городов дают исследователю богатый краеведческий материал.

Описанную мною часть фонда за 1787-1789 гг. в отношении целостности наличных дел можно считать достаточно сохранившейся. Испорчено сыростью за 1787 г. на 80% лишь 4 дела, за 1788 г. – 3 д. и на 50% за этот же год 4 д., но в части неприкосновенности фонды оставляют желать много лучшего.

Наличие дел не соответствует старой описи в следующих цифрах: за 1787 г. вместо 2873 дел имеется 1822, за 1788 г. вместо 2257 – 1455 и за 1789 г. вместо 1862 – 1131 дело.

Об изъятых делах. Нет оснований утверждать, что изъяты дела наиболее важные по экстраординарности происшествия, или характерные в отношении

быта, приказного строя, отдельных сословий, взаимоотношений органов управления, экономического состояния области, правового положения классов и пр. Такие дела можно считать и сохранившимися. Но нельзя не заметить и определенной системы в выборе утраченных дел. Изъяты дела, например, о беглых крестьянах (в порядке описи №№ 446-450 за 1789 г.), о явившихся из бегов (№№ 5, 9, 11, 18 и т.д. за 1788 г.), или о беглых рекрутах и солдатах (№№ 770, 771, 775, 833, 834 за 1788 г., 417-418 и т.д. за 1789 г.).

Если изъято дело о заводчике Баташове, державшем на работах беглых, то такие же дела о нем имеются и в наличности. Изъяты дела, по которым исправники препровождали крестьянских жен и девиц для отсылки в Иркутскую губернию (в порядке описи, например, №№ 2873-2875 за 1787 г.), но с другой стороны взяты дела, не имеющие никакого значения, например, о назначении неизвестного отставного кирасира в штатную команду (№ 2707 – 1787 г.), о смерти какого-то колодника (№ 2678 – 1787 г.), о возврате Рязанским Нам. Правлением паспорта умершего крестьянина (№ 2671 – 1787 г.) по запросу Московского Губ. Правления, о приписке к купечеству суздальского мещанина Хапаева (№ 732 – 1789 г.) или переславского мещанина Солодовникова (№ 758 – 1788 г.) и т.д.

Об ошибках прошлых описаний

Старая опись или слишком сжата и не отражает сущности дела, или растянута по тексту. Если круглая сирота просит об укреплении имения, то означаются имя, отчество и фамилия не только просительницы, но и ее отца и матери. Между тем содержание дел, характеризующих, например, быт духовенства, как правило, не указываются и получается следующее: «по сообщению Консistorии о допросе № прихожан по приложенным опросным листам». Не указывается и сумма взысканий по долговым обязательствам, а равно и местонахождения имений в пределах наместничества по залогам, или разрешениям, особенно Дворянского Банка. Описывающий часто не дочитывал текста заявлений, а потому отчества принимал за фамилии, и вообще больше обращал внимания на пышные титулы, чем на суть дела. Нумерация дел в значительной части неправильна, так как охватывала и незаполненные страницы.

Состав фонда

В состав фонда входят целые группы дел. Некоторые из них, например, по вексельным взысканиям большей частью купцов и мещан, имеют значение не только для генеалогии, но и для иллюстрации способов имущественного

приобретения. Из купцов-кредиторов выделялись Д. Неростов и М. Петровский по г. Владимиру и Зубков по Переславлю, которые пачками подавали заявления о взыскании по векселям и распискам.

Из должностных лиц, безнадежно завязших в долгах на крупные суммы, выделялись вице-губернатор Карцев (№ 350 – 1788 г. и № 743 – 1789 г.) и гороховецкий землемер Богданов (№1752, 1762, 1775 – 1787 г.), а суздальский городской голова Устинов просто украл деньги из опечатанного казенного сундука (№ 286 – 1789 г.).

О недействительности векселей и актов по залогу и продаже имений вследствие распутной жизни указания даются относительно помещиков, преимущественно из военных. Титулованными лицами имения закладываются в значительной части, для участия в соленой и винной монополиях, как предприятиях выгодных.

Группа дел **об увольнении должностных лиц** возникает большей частью за их болезнью и старостью, но часто указывается и на проступки. Отмечается, например, пьянство Киржачского стряпчего Соколова (1787 г. - № 616), дворянский заседатель Покровского земского суда Бологовский никак не мог явиться на службу трезвым (1788 г. - № 623).

Взятничество редко открывалось в самом губернском центре, разве когда оно достигало таких размеров, как у секретаря наместнического правления Сунгурского (1789 г. - № 522), но часто фигурирует в значении криминала, если оглашается в отношении подчиненного уездного учреждения, например, Меленковского уездного суда, который, по словам фабриканта Ингликова, можно заставить за 25 рублей тянуть волокиту 5 лет. Встречаются случаи тяжбы в течение 30 лет, возобновляемой по смерти челобитчиков детьми, очевидно, с надеждой на окончание (о суздальском имении помещицы Рукиной 1787 г. - № 1644).

Наместническое правление как орган высшей губернской инстанции отражало во всей яркости и полноте накопившиеся чувства обывателей, впадавших в отчаяние от лихоимства, кривды и крючкотворства. И дела сохранили любопытные примеры безнаказанности высших должностных лиц. Губернский прокурор Шишкин избил до полусмерти своего слугу, дворового помещицы Тарбеевой, но жалоба ее не была рассмотрена правлением по существу, как написанная не по форме (1788 г. - № 1345). Указ Сената от 28/XII-1786 г. о вызове губернатора Лазарева, по донесению генерал-прокурора, для

объяснения о «непорядках и взятках во Владимирском наместничестве» не улучшил дела. Киржачский городничий фон Берг самолично заточил в тюрьму расправного судью Кормовисицкого (1787 г. - №746), суздальский расправной судья Чернавин собственными кулаками оправдывал свой титул (1789 г. - № 1008), Киржачский городской голова и мещанский староста избили до смерти московского купеческого сына Шапошникова (1789 г. - № 105), Александровский казначей избил своего канцеляриста (1788 г. – № 817).

Исправники дрались по традиции, но особенно отличились суздальский – Хмелевский (1789 г. - № 154), судогодский – Сабуров (1789 г. - № 374) и юрьевский – Левендаль (1789 г. - № 619), с которым, впрочем, народ рассчитался тем же способом, да еще с помощью гласных думы, на большом пожаре в Юрьеве (1789 г. - № 645).

Прочие привилегированные лица не менее усердно отражали нравы того времени, так титулярный советник Комелевский избил, сковал руки и посадил на цепь служителя питейного дома (1789 г. - № 65), а заседатель Юрьевского земского суда Каменский учинил не только дебош и драку, но и вызвал набатный звон (1788 г. - № 657).

В случаях, когда «власть на власть наезжала», пробуждалась амбиция и потому Киржачский городничий жаловался на «матерную брань» по своему адресу уездного судьи Воейкова (1787 г. - № 1271), или Суздальская Консистория обиделась на городничего, который свой циркуляр «о соблюдении порядка и тишины» прислал ей непосредственно, а не через Наместническое правление (1788 г. - № 1354). Сам Губернский магистрат послал в Александров приказного с правом держать безвыходно в присутствии членов уездного магистрата, пока не решат дело купцов Ерина и Хахалина (1789 г. - № 859).

В задачу настоящего очерка не входит изложение материала в части изменений топографии и благоустройства губернского города, но для характеристики общего уклада достаточно указать, например, пожар генерал-губернаторского дома (1789 г. - № 38). Пожарная команда приехала по тревоге, поднятой отчаявшимся губернатором на гауптвахте барабанным боем. Опоздание полиции, порча рукавов, непригодность машин были и тогда явлением нормальным. Необычной была разве только порка батогами женки Ивановой, неосторожно обращавшейся с огнем при топке генерал-губернаторской бани. Но с так называемыми простецами тогда и вообще не церемонились, а потому, например, герберги за допущение распития в их помещении вина людьми

«подлого» (податного) звания закрылись, особенно если в этом участвовали солдаты и лица духовного звания (1789 г. - № 420). И если вязниковский помещик Михайлов избил священника и диакона Успенского погоста (1788 г. - № 150), то суздальского помещика Рогановского слуги пытались отравить мышьяком (1789 г. - № 702), а муромского помещика Томилова дворовый его человек убил на рыбной ловле (1789 г. - № 791).

Крестьяне организовано выступали только однажды на защиту права гнать корчемное вино и солдат с заседателями, приехавших в Воздвиженской погост отбирать это вино, встретили дубьем и поленьями (1787 г. № 223). Для объяснения этого факта необходимо отметить, что должности винных и соляных приставов замещались дворянами (1788 г. - № 124) и получалось следующее: в питейных домах даже г. Владимира вино, пиво и мед оказались порченными (1788 г. - № 684), несмотря на всякие поблажки должностных лиц (1788 г. - № 859). Водка вообще продавалась в неуказанную меру (1788 г. - № 1042) и «излишне утекала» у продавцов постоянно (1787 г. - № 31, 1788 г. - №№ 1239, 1293), вино продавалось не только с пониженных % (1788 г. - № 600), но и сделанное из сахарной воды (1788 г. - № 1394). Достаточно сказать, что у муромского винного пристава не достало вина 48 ½ ведер (1788 г. - № 63), и если официально казенный винный погреб был устроен даже во Владимирском архиерейском доме с военным караулом (1788 г. - № 1310), то нелегально, по сообщению Казенной палаты, вино хранилось и под колокольней Муромского Благовещенского монастыря (1788 г. - № 1348). Соль также усыхала сверх меры (1787 г. - № 92, 136). В 1788 г. было разрешено изготавливать виноградное вино не в местах произрастания винограда (1788 г. - № 416). О казенных настойках и наливках Владимирская губерния не знала, хотя знаменитый вишневый морс доставлялся к императорскому столу (1788 г. - № 27).

На культурном фронте дело обстояло гораздо хуже. Однажды губернатор Лазарев вздумал сделать попытки даже демократизировать школу. Приехав в Суздаль, он нашел, что в Народном училище из 20 учащихся только 7 принадлежат к купечеству и мещанству. Лазарев пытался созвать родительское собрание, но ни один купец и мещанин не явились и были оштрафованы по 1 рублю, а плоды местного просвещения по-прежнему стали вкушать преимущественно дети захудалых дворян, духовенства и чиновников. Этот саботаж представителей нарождающегося капитала был тем курьезнее, что обучение детей считал обязательным. Чиновник, получавший жалование в треть

года (по Наместническому правлению) – протоколист 34 р. 10 к., регистратор 39 р. 87 ½ к., архивариус 49-50, подканцелярист – 9 р. 72 ½ к., курьеры получали 8 р. 33 ½ к. (1787 г. - № 1820).

В общем население было весьма послушно властям и такого городничего, как Левендаль, «ущедряло до преизлиха», причем он принципиально не платил долгов и часть их взыскали лишь с наследников (1788 г. - № 95). Впрочем практичность была отличительной чертой и других сословий, если судить по настойчивости, с которой крестьяне добились выдачи платы за конные поставки для Высочайшего следования в Тавриду (1788 г. - № 93, 1789 г. - № 41), или если заключать по раздорам между переславскими купцами и мещанами о размере обложения их вместо натуральной повинности для царского шествия (1787 г. - № 1402). Казалось бы, верноподданность исключала корыстолюбие; она усиленно поддерживалась. И в 1787 г. во Владимире были торжественно совершены благодарственные молебствия по случаю выздоровления от кори великих князей и княжен (№ 964). Но с другой стороны, в достаточном количестве изготовлялись и фальшивые ассигнации (1789 г. - № 231) и фальшивое серебро (1788 г. – № 751) и фальшивые паспорта (1789 г. - № 711). В казну старались сбыть ассигнации, а не серебряную или медную монету (1781 г. - № 886, 871), при чем откупщик Сопельников за размен ассигнаций на серебро брал по 4 к. с рубля (1788 г. - № 1035), да и сам Дворянский банк с коллежского асессора Хмелевского взыскал 90 р. Курсовой разницы за ссуду в 1000 р. серебром.

Помещики крали один у другого крепостных людей (1787 г. - № 459, 1788 г. - № 649 и пр.), а стеклозаводчик Баташев систематически скрывал заведомо беглых как дешевую рабсилу (1788 г. - № 1167). Но все это были невинные забавы. Серьезнее приключались, например, такие казусы. Граф Салтыков «обманом и силой» забрал в Московском опекуном совете 48000 р. и их растратил (1788 г. - № 967), а Могилевская гражданская палата вынуждена была оповещать, что в погашение долга в 1650000 р. князя Потемкина-Таврического Заемному банку обращаются суммы, вырученные от распродажи его крепостных всем желающим скупать помещикам (1788 г. - № 1075).

В числе состоявших в подушном окладе значились и дворяне, периодически признаваемые достойными внесения в родословные книги (1789 г. - № 631), мелкопоместное дворянство было совершенно некультурно и часть ссорилось. Эти споры принимали и недопустимые формы. Так, например, александровская помещица Павлова явилась с ватагой дворовых людей к соседке

помещице Оболдуевой, произвела в усадьбе врача погром, избила ее людей, угрожала жизни хозяйке и все-таки осталась безнаказанной (1788 г. - № 203). Но был случай, когда столбовой дворянин превзошел разбойников большой дороги. Переславский помещик Кобыляков за спортивные упражнения в убийстве был приговорен к смертной казни, но помилован, стоял под виселицей, заклеен буквой «У» и отправлен в Нерчинские рудники. Прибыв в Тобольск, он все-таки ухитрился убить отставного драчуна с женой, за что был наказан кнутом, вновь штемпелеван на лбу и отправлен на каторгу «вечно» (1787 г. - № 1465). В других случаях злодеяния титулованных лиц затушевывались фразеологией. Князь Д. Голицын по указу Сената был заключен в Суздальскую крепость «за самовольные и беспорядочные поступки» (1787 г. - № 1569).

Бегство крепостных от помещиков было явлением обычным (1788 г. - № 357, 1509 и др.). По манифесту беглые по возвращении из-за границы (главным образом из Польши) или приписывались к избранному сословию или возвращались в прежнее состояние (1788 г. - № 101, 287, 1087, 1789 г. - № 591, 594 и пр.).

Разбойничьи шайки бродили по многим уездам: Гороховецкому (1788 г. - № 813, 1789 г. - № 1014), Киржачскому (1787 г. - № 1008), на границах губернии: Рязанской (1789 г. - № 1121), Тамбовской (1789 г. - № 533), Нижегородской (1788 г. - № 988). Их опасались даже исправники и гороховецкий был привлечен к ответственности за уклонение от преследования по выдуманной болезни (1788 г. - № 661). Конные пункты в Муромском уезде снимались только на зиму (1788 г. - № 1277).

В заключение можно отметить, в какие формы вылилась правительственная попытка регулировать потребление хлеба в неурожайный 1787 г. По донесениям земских судов хлеба едва хватало по одной четверти на душу. Наместническое Правление предписывало исправникам и заседателям освидетельствовать в селах экономического и дворцового ведомств наличие хлеба, а у помещиков количество хлебных запасов не регистрировать и хлеб молоченый и в скирдах в ведомость не вносить, а при недостатке делать лишь примечание, что «годовой порции полагается по три четверти на душу» (1787 г. - № 1473).

Бюллетень Владимирского губернского архивного бюро.

№ 10, июнь-июль 1928 г.

Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 77. Л. 101-105.